

УДК 159.922.27

Суицидальное поведение, алкоголизм и наркомания как продукт трансформации семьи в условиях аномии

Долгицкий Олег Дмитриевич

Медицинский психолог, аспирант,

Нижевартовская психоневрологическая больница,

628615, Российская Федерация, Нижневартовск, ул. Интернациональная, 39В,

e-mail: counteralex@rambler.ru

Аннотация

В данной статье институт семьи рассматривается в качестве одной из категорий общностей, в рамках которой возможно возникновение феномена аномии. С точки зрения авторов, в связи с изменением средств производства в эпоху третьей промышленной революции происходит изменение формы организации семьи, в частности переход от индивидуального патриархального брака к неозгалитарному. В данных условиях более ранние с точки зрения культурно-исторического развития формы организации семьи становятся девиантными. В связи с этим в обществе повышается количество людей, склонных к алкоголизму, наркомании и суицидам. Предлагаемый подход к проблеме подразумевает осуществление ряда мер, направленных на снижение симптомов аномии в обществе, а также обозначает одну из основных проблемных зон у пациентов, склонных к алкоголизму, наркомании и суицидам.

Для цитирования в научных исследованиях

Долгицкий О.Д. Суицидальное поведение, алкоголизм и наркомания как продукт трансформации семьи в условиях аномии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 150-157.

Ключевые слова

Аномия, семья, табу, производственные отношения, формация.

Введение

Проблема аномии с позиции современных методологических подходов связана в первую очередь с выделением определенных предметных областей ее исследования. В современной историографии принято выделять два направления разработки вопроса

о смысле понятия аномии. Первое – в рамках представлений об аномии, фиксируемых термином *anomia*, – уходит корнями в античную философию и характеризует состояние индивидуальной депривации индивида от общества. В частности, к этому направлению принадлежит Л. Сроул, распространяющий понятие аномии на сферу человеческой жизни в качестве отображающего психологическое состояние индивидуальной депривации. Второе направление – в рамках представлений об аномии, в которых для ее обозначения используется термин *anomie*, – раскрывает состояние общества, охваченного беспорядком, проистекающим из пренебрежения его членов к закону, юридическим нормам.

В начале 20 века Э. Дюркгейм использовал понятие аномии (*anomie*) для описания состояния общественного беспорядка (безнормности) применительно к большим и малым общностям [Дюркгейм, 1994].

Кризис института семьи

В современном обществе бытует мнение о том, что институт семьи и брака деградирует, или разрушается. Несмотря на некоторую поверхностность данного суждения, оно имеет под собой определенно верные основания.

Начать следует с того, что понятие «семья» в российском правовом поле юридически не закреплено. Общность «семья» не является в полной мере субъектом социальных отношений, так как сама состоит из нескольких субъектов, осуществляющих отношения внутри нее. Но и семья в целом также не может быть объектом в социальном отношении, поскольку нет четкого ее определения. Такие действия возможны лишь в отношении отдельных членов семьи, обладающих правоспособностью и дееспособностью. Семья в качестве социального института и базовой ячейки общества характеризуется следующими признаками: союзом мужчины и женщины; добровольностью вступления в брак; общностью быта; вступлением в брачные отношения; стремлением к воспроизводству [Антонов, Медков, 1996].

Далее мы на примерах покажем, что в России ни один из этих основополагающих принципов не соблюдается в семье современного типа. Когда мы говорим о видоизменениях формы семьи, то ни в коем случае не определяем происходящее как отмирание нежизнеспособного института или хаотичное разложение основ взаимодействиями между индивидами. Не только в России, но и во всем мире в данный исторический момент происходит изменение представлений о браке. [Zhao Cao, 2010]. Сегодня мы можем видеть, что в обществе выделяется несколько социальных групп, которые по-разному трактуют идею брака и имеют разные представления о браке как форме организации быта совместно с брачным партнером способом, адекватным условиям нынешних социально-экономических отношений.

Несостоятельность патриархального института семьи в условиях постиндустриального общества

Представления о нормативном брачном союзе у большинства людей продолжают соответствовать нормам индивидуально-патриархального брака [Семёнов, 1974], который характеризуется эксплуатацией мужчинами женщин в роли прислуг и домохозяек. Задача мужчины трактуется как обеспечение безопасности и добыча материальных средств для жизнедеятельности семьи. Гендерные функции, в соответствии с этим образом семьи, четко разделены, закреплено понятие мужского и женского труда. Существует табу не только на сексуальные внесупружеские связи, но порой даже и на дружбу между представителями разных полов вне семьи.

Вместе с тем сохраняющая нормативное значение модель индивидуально-патриархального брака на деле подрывается современной социально-экономической ситуацией.

Красноречивым, на наш взгляд, выражением нынешнего кризиса индивидуально-патриархальной модели семьи является статистика количества разводов и браков в период 2000-2015 годы (табл. 1).

Таблица 1. Количество разводов и браков в период 2000-2015 годы

Год	Количество браков	Количество разводов	Соотношение
2000	897327	627703	70%
2001	1001589	763493	76%
2002	1019762	853647	84%
2003	1091778	798824	73 %
2004	979667	635835	65%
2005	1066366	604942	57%
2006	1113562	640837	58%
2007	1262500	685910	54%
2008	1179007	703412	60%
2009	1199446	699430	58 %
2010	1215066	639321	53%
2011	1316011	669376	52%
2012	1213598	644101	53%
2013	1225501	667971	55%
2014	1225985	693730	56%
2015	1161068	611646	52%

По нашему мнению, причиной столь значительного числа разводов является переходное состояние общества, проистекающее из роста дифференциации размеров доходов. Дело в том, что поскольку эта дифференциация зачастую происходит независимо от гендерной принадлежности членов супружеских пар, постольку она становится почвой, в частности, и для того, чтобы каждый член супружеской пары мог свободно выбирать образ жизни, либо замкнутый на данную семью, либо включенный в образ жизни иных малых социальных групп. При этом последний выбор – выбор, который можно назвать неозгалитарным браком, – не является выбором группового брака (подобного соответ-

ствующей первобытно-племенной форме брака) и вовсе не подразумевает групповой секс между участниками (триолизм).

Отношения между лицами одного пола в случае неогалитарного брака могут быть различны – нейтральные, платонические, сопернические (любовный треугольник) или формы гомосексуальной привязанности. Можно представить группу людей, проживающих в одной съемной двухкомнатной квартире со всеми удобствами: между парой М и Ж1 существуют сексуальные и любовные отношения, Ж2 при этом имеет непостоянных половых партнеров. Между М и Ж1, М и Ж2, Ж1 и Ж2 существуют платонические отношения, основанные на общем интересе, например к творчеству, в то же время пара Ж1 и Ж2 работают в одном офисе. Именно такую форму объединения людей, по нашему мнению, можно обозначить как неогалитарный брак, главным признаком которого является то, что он призван освободить женщину от эксплуатации – характерной черты индивидуально-патриархальной семьи.

Однако как же обстоят дела на практике? Переход к новой форме семьи – процесс не молниеносный. Он требует времени, необходимого для смены образа жизни людей, с тем чтобы они не только начали жить в новой форме семьи, как это имеет место порой уже ныне, но и чтобы возможность существования новой формы семьи была закреплена нормами закона. Пока этого не произойдет, мы будем свидетелями распространения феномена аномии в обществе, как в свое время квалифицировал подобный процесс Э. Дюркгейм [Дюркгейм, 1994], или аномии в поведении людей, как предпочитал его характеризовать Р. Мертон [Мертон, 1966]. Люди, придерживающиеся представлений о нормативности патриархальных форм организации брака, но живущие при этом в условиях начала четвертой промышленной революции, способной обеспечить условия для существования неогалитарного брака, вынуждены постоянно сталкиваться со сложностями регуляции собственного поведения. В ситуации наступающей новой эпохи открывающиеся этим людям новые возможности будут расцениваться ими как измена принципам, конкретнее – как измена супружеским обязательствам, как фактор, разрушающий устои семьи и общества. Данные обстоятельства и такая жизненная позиция являются условием формирования у индивидов соответствующего когнитивного диссонанса [Фестингер, 1999], что, в свою очередь, может приводить к депрессиям, неврозам, алкоголизму, наркомании и суицидам. Сошлемся в этой связи на результаты социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 130 населенных пунктах России в 2007 году, который показал следующие результаты. «Почти каждый четвертый опрошенный (24%) считает, что на развод людей толкает измена. Каждый пятый к основной причине разводов относит бедность (21%). 19% считают, что люди разводятся из-за неумения идти на компромиссы и уступать друг другу. На четвертом месте в списке причин разводов – алкоголизм и наркомания (16%)» [Тарасова, 2015, 141-145].

Алкоголь, выступающий в роли адаптогена в условиях дезадаптации индивида, зачастую – если говорить конкретно об анализируемой ситуации – становится средством преодоления недугов психологического стресса, причиной которого является рассогласование между внутренними убеждениями и изменившимися социальными условиями, к которым данные убеждения мешают адаптироваться [Ron de Kloet, Joëls, Holsboer, 2005].

В данном случае еще одной отличительной характеристикой являются созависимые отношения, в которых женщины в случае алкоголизации своего супруга берут на себя мужскую роль в патриархальном браке, тем самым продлевая его существование. В связи с этим в сознании простых людей формируется убеждение, что в нынешних условиях царит назревший матриархат или даже эксплуатация мужчин женщинами. Конечно, такого рода мнение в корне ошибочно, так как в условиях постиндустриального общества, где женщины и мужчины формально уравнены в правах, у женщины попросту появляется возможность занять положение мужчины, но все в том же типе семьи – в индивидуально-патриархальном браке. То есть речь идет о причудливой инверсии – фемининном проявлении маскулинности по отношению к членам семьи, ибо проявления маскулинности в семейных отношениях могут принимать самые разнообразные формы.

В контексте данной темы следует также отметить существование социального слоя, разделяющего представления об образцовости такого эгалитарного брака, который на самом деле относится не к перспективе современного развития общества, а представляет собой рецепцию архаичной институции, в которой вообще никакой роли не играют социально-экономические отношения, а в брачных отношениях, как и в обществе в целом, определяющее значение имеют отношения дарообмена. Индивиды с подобным представлением о семье относятся либо к подростковой группе, либо к категории социальных маргиналов. Первые по причине возрастной, вторые – в силу социальной инфантильности не способны воспринимать и осознавать особенности реально доминирующего в обществе индивидуально-патриархального брака. У обеих этих групп, разумеется, отсутствуют стереотипы, препятствующие встраиванию в новый тип семьи, но, однако же, это встраивание они способны осуществлять лишь в форме ритуализма в смысле Р. Мертона [Мертон, 1966], то есть путем соблюдения лишь внешней стороны действий актора брачно-семейных отношений без осознания фактического характера и значения совершаемых действий.

Заключение

При масштабных социальных изменениях, связанных с прогрессом средств производства, возникают и изменения в сфере табу на организацию семейных отношений. В том числе появляются новые табу. Безнормность, которую принято считать основой ано-

мии, не является безнормностью в общем смысле этого слова. Безнормность в данном случае – это нарушение табу, актуального для ныне существующих семей, относящихся вместе с тем по своему типу к семьям более ранних или, напротив, опережающих свое время формаций. Так, в условиях современного индивидуально-патриархального брака брачные отношения между лицами разных поколений табуируются: считаются как минимум неэтичными, а как максимум – противозаконными; нарушение табу приводит к тем или иным санкциям со стороны общества. В качестве примера можно привести недавно произошедшую и широко освещавшуюся в наших СМИ историю с женитьбой одного из высокопоставленных должностных лиц Чеченской Республики на очень молодой девушке. СМИ подвергли жениха моральному осуждению с точки зрения норм, действующих в России в целом на настоящий момент, в то время как в Чечне, где в брачных отношениях сохраняются нормы более ранней формации, этот брачный союз получил полное одобрение. В западных странах похожим образом относятся к принятым в среде ортодоксальных евреев и приверженцев ислама бракам между пожилыми мужчинами и несовершеннолетними девочками. Эти и многие подобные примеры иллюстрируют правоту тезиса, что в случае неозгалитарного брака мы также наблюдаем не деградацию института брака, а изменение условий социальной среды, в которой браки предшествующих формаций становятся девиантными.

Из сказанного выше следует, что для преодоления аномии – снижения уровня алкоголизма, суицидов и наркомании – требуется не возрождать традиционные формы брака, а прежде всего создавать на законодательном уровне условия для организации семей новых формаций.

Библиография

1. Антонов А.И. Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
4. Семёнов Ю.И. Происхождение брака. М.: Издательство Мысль, 1974. 308 с.
5. Тарасова Е.О. Проблемы развода в современной семье // Власть. 2015. № 1. С. 141-145.
6. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. 318 с.
7. Ron E. de Kloet, Marian Joëls, Florian Holsboer. Stress and the brain: from adaptation to disease. Nature Reviews Neuroscience. 2005. No. 6. P. 463-475.
8. Zhao R., Cao L. Social change an anomie social force 1208-1229 page. March, 2010.

Suicidal behavior, alcoholism and drug addiction as a product of family transformation in terms of anomie

Oleg D. Dolgitskii

Medical Psychologist, Postgraduate,
Nizhnevartovsk Psychoneurological Hospital,
628615, 39B Internatsional'naya st., Nizhnevartovsk, Russian Federation;
e-mail: counteralex@rambler.ru

Abstract

This article considers the institution of the family as one of the categories of the communities in which the emergence of the phenomenon of anomie is possible. From the point of view of the authors in connection with the change of the means of production in the era of the third industrial revolution the shape of the family organization is changing, in particular the transition from individual patriarchal marriage to neoegalitarian one. In these circumstances, forms that are earlier from the perspective of cultural-historical development of organization of the family become deviant. In this regard, the number of people prone to alcoholism, drug addiction, and suicides is increasing. In large-scale social changes associated with the progress of the means of production, there are changes in the sphere of taboo on the organization of family relations, including be a new taboo. Therefore, in the modern individual-patriarchal marriage, relations between persons of different generations are considered at least unethical, as a maximum illegal; a violation of a taboo leads to one or other sanctions of the society. Thereafter, in the case of neoegalitarian marriage we also observed not the degradation of the institution of marriage, but the changing conditions of the social environment in which the marriages of the preceding formations become deviant. So, in order to overcome anomie – reduce the level of alcoholism, suicide and drug addiction – it is required to revive the traditional forms of marriage, and to establish the conditions for the organization of new family formations in law. The proposed approach to the problem implies the implementation of several measures aimed at reducing the symptoms of anomie in society, and represents one of the main problem areas in patients, prone to alcoholism, drug addiction, and suicides.

For citation

Dolgitskii O.D. (2017) Suitsidal'noe povedenie, alkogolizm i narkoma-niya kak produkt transformatsii sem'i v usloviyakh anomii [Suicidal behavior, alcoholism and drug addiction as a product of family transformation in terms of anomie]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 150-157.

Keywords

Anomie, family, taboo, industrial relations, formation.

References

1. Antonov A.I. Medkov V.M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moscow: Moscow State University: Publishing house of International University of Business and Management.
2. Dyurkgeim E., Bazarov V.A. (ed.) (1994) *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow: Mysl' Publ.
3. Semenov Yu.I. (1974) *Proiskhozhdenie braka* [The origin of marriage]. Moscow: Izdatel'stvo Mysl' Publ.
4. Tarasova E.O. (2015) *Problemy razvoda v sovremennoi sem'e* [the Problem of divorce in the modern family]. *Vlast'* [Power], 1, pp. 141-145.
5. Festinger L. (1999) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of cognitive dissonance]. Saint Petersburg: Yuventa Publ.
6. Merton R.K. (1966) *Sotsial'naya struktura i anomiya* [Social structure and anomie]. *Sotsiologiya prestupno-sti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology criminal-STI (Modern bourgeois theory)]. Moscow: Progress Publ.
7. Ron E. de Kloet, Marian (2005) Joëls & Florian Holsboer. Stress and the brain: from adaptation to disease. *Nature Reviews Neuroscience*, 6, pp. 463-475.
8. Zhao R., Cao L. (2010) *Social change an anomie social force 1208-1229 page*. March.